УДК 801.81:821=512.141“1900/1920-е”
DOI: 10.32340/2414-9101-2019-3-47-54

Н. А. Хуббитдинова, доктор филологических наук
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
(Уфа, Россия)
narkas08@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРА КАК «КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ» В БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА В «ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР» ПОКОЛЕНИЙ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 19-412-020008 «Архаический эпос башкирского народа: художественно-стилистический аспект
(эпосы “Урал-батыр”, “Акбузат”, “Заятуляк и Хыухылу”))»*

Аннотация. Изложены результаты анализа характерных особенностей развития башкирской художественной литературы первой четверти XX в., активно воспринявшей влияние национального башкирского и – шире – тюркского фольклора. Представлен обзор комплекса факторов, обусловивших рост интереса башкирских литераторов к персонифицированной, сюжетным конструкциям и образам эпических и лиро-эпических жанров народной башкирской поэзии и прозы (сказаний, преданий, легенд, байтов, песен и пр.) в условиях революции и гражданской войны. В контексте рассматриваемой темы автор характеризует феномен диалога поколений одного этноса, руководствующихся несхожими мировоззренческими идеалами и оперирующих различными культурными смыслами. Отмечается, что башкирские писатели, освоившие фольклорный пласт этнического литературного творчества, становились носителями национального духовного наследия и приобретали мастерство сзэнов – башкирских певцов-импровизаторов; их произведения заучивались наизусть потомками, переходили в устную форму бытования.

Ключевые слова: башкиры, башкирский фольклор, башкирская литература, фольклорные мотивы в башкирской литературе, национальная литература в революционной России, культурная память народа, интертекстуальность, кубаир, самобытность национальной литературы, диалог поколений, диалог культур, литературное освоение фольклора.

Как известно, диалог культур есть универсальный способ передачи и освоения личностью форм социального взаимодействия, способов познания мира. В форме диалога закрепляется и передается культурный опыт, основанный на «культурной памяти» человечества, его традиции и вместе с тем обновляется ценностное содержание культуры [1].

Основоположник учения о «диалоге своего и чужого» М. М. Бахтин, в частности, в своей работе «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924) также говорит о «диалоге» между текстами («диалогизм»). Учение о диалогизме текстов позже в 1967 г. развила французская исследовательница литературы и языка Юлия Кристева, выразив его термином интертекстуальности. По мнению учёных, между только что прочитанным текстом и прочитанными ранее текстами может быть эксплицитная либо имплицитная связь, отсылка друг на друга. Это, например, можно ощутить при ознакомлении с каким-либо литературным произведением: присутствие уже знакомых, к примеру, в литературном произведении – образов или мотивов из фольклора. Другими словами, эту интертекстуальную связь можно было бы обозначить диалогом фольклора и литературы как объектов художественной культуры. Потому что, как верно писал М. М. Бахтин, «помимо данной художнику действительности он имеет дело

* Начало. Окончание: «Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)». 2019. № 4. Загл.: Репрезентация фольклора как «культурной памяти» в башкирской литературе начала XX века в «диалоге культур» поколений.

также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами». Как бы дополняя свою мысль, учёный продолжает: «Даже прошлое, то есть рождённое в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, конченными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определённые моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся, оживут в обновлённом (в новом контексте) виде» [2, с. 373]. В данном контексте под «забытыми смыслами» мы понимаем диалог между фольклором, как «культурной памятью», и новейшей литературой или древней и литературой точнее, древнетюркской и башкирской литературой начала XX века, что можно было бы обозначить как «диалог поколений».

Фольклор, являясь истоком литературного творчества, всегда, во все века остается его спутником. В интересующей нас башкирской литературе начала XX века развивались и даже усиливались самобытные художественные своеобразия, которые в большинстве своем также достигались писателями с помощью фольклорных мотивов, сюжетов, образов, фольклорных жанров – баитов, песен, легенд и преданий, основывающихся на изображении реалистической картины жизни и духовного мира башкир. В рамках данной статьи не преследовалась задача охватить башкирскую литературу начала XX века. На примере произведений отдельных писателей автором предпринята попытка обозначить некоторые тенденции в башкирской литературе этого периода.

Башкирская художественная словесность в эту эпоху (революции и гражданской войны), переживала новый виток в своем развитии: она постепенно освобождалась от влияния религиозно-мистической идеологии и как никогда ранее сближалась с жизнью народа, с реальной действительностью [3, с. 143, 367].

В ряду многих общественно-политических проблем главенствующим для писателей этого времени стал вопрос, связанный с родным языком. «Рост самосознания башкир усилил внимание к языку и культуре... начинается движение за развитие национальной культуры» [4, с. 57]. В стремлении быть ближе к народу, в литературе наблюдается тенденция внесения в тексты произведений лексических, грамматических и орфографических особенностей башкирской разговорной речи (М. Гафури, Р. Фахретдинов, Ш. Бабич, Х. Габитов, М. Бурангулов, А. Тангатаров, Д. Юлтый, С.Якшигулов и другие). Замечается постепенное уменьшение использования арабо-персидской лексики, связанной преимущественно с общественно-политической сферой языка [5, с. 342]

В этот период в борьбе за чистоту родного языка писатели начинают активно интересоваться фольклором, собирать и публиковать башкирские народные песни, создавать на их мотив свои собственные сочинения. Обращение к культурным архетипам, традициям устного народного творчества – культурной памяти этноса породило диалог культур поколений, привело к преемственности духовных ценностей. «В конце XIX – начале XX века, в период интенсивного утверждения реализма в литературе, усилился интерес башкирских поэтов и ученых-энтузиастов к песенному жанру» (З. Уммати «Песни, баиты башкирских тептярей» (1909), Ф. Туйкин «Сборник песен» (1914), «Созвездие песен» (1915), известно, что подготовил сборник «Народные песни на протяжный напев (озон-кюй)», М. Бурангулов зафиксировал эпос «Урал-батыр», «Акбузат», «Идель и Яик» и др., а также песни, легенды, предания, кубайры, С. Мухаметкулов – эпос «Кусьяк-бий», Ф. Вали – «Ек-Мэргэн», М. Султанов «Башкирские и татарские мотивы» (1916) и т. д.) [6, с. 35]. В сфере культурного досуга популяризировалась башкирская песня: на литературных вечерах часто звучали башкирские народные песни, которые становились традиционным явлением, о чём сообщалось на страницах газеты «Вақыт» [7, с. 57, 58.]

Обращение к фольклору как к культурной памяти народа было обусловлено также и другими событиями, происходящими в стране. В период реакции, наступившей после поражения русской революции 1905–1907 гг., в творчество многих писателей вселились чувства уныния, пессимизма. Как указывает Р. Т. Бикбаев, «крушение надежд, метания и разочарования на путях духовных поисков привели к широкому распространению романтизма» [7, с. 127] не только в башкирской поэзии, но и в башкирской прозе начала века. Нарастание тревоги, «нервного стремления

познать это новое», охватившее общество в переходный период, заставило писателей обратиться к фольклору как к культурному коду. Данная тенденция была обусловлена двумя причинами: писатели, с одной стороны, в своем стремлении к реализму, литературно интерпретировали народные песни, эпические произведения, с другой стороны, крушение надежд после краха русской революции, заставило их обратиться к романтизму, передать свои пессимистические чувства в духе сказочно-утопической романтики. Например, Б. Мирзанов написал свое стихотворение «Свадьба джинов» («Ен туйы») в традициях утопической литературы.

В связи с этим закономерно, что башкирские писатели пребывали в поиске новых идей и способов художественного отражения действительности, решения проблем в современной литературе. Одной из них была проблема сохранения фольклора от исчезновения, возрождения фольклорных традиций. В этом отношении интерес вызывает деятельность народного поэта Мажита Гафури (1880–1934), который в 1910 году издал башкирский эпос (кубаир) «Заятуляк и Хыу-хылу» – “Заятүләк менән Сусылу”. Авторская версия эпоса имеет как сходные, так и отличительные особенности с вариантами его устной версии. В этой книге поэт выражает свое беспокойство по поводу исчезающего духовного наследия народа: «Глядя на сегодняшнее состояние башкир, надо постараться, не растратив, собрать их мелодии, песни. Однако у нас ещё не хватает воспитания, мужества и силы для того, чтобы понять, что они растают как соль» [8, с. 162–164].

Реминисценцию вызывает письменная версия эпоса, осуществлённая русским писателем и лексикографом В. И. Далем несколько десятилетий ранее М. Гафури. В обоих случаях основная сюжетная линия эпоса «Заятуляк и Хыу-хылу» сохранена (отличие составляет лишь счастливый финал у М. Гафури, известный в некоторых устных вариантах эпоса). Однако она наращена языковыми и стилистическими особенностями, образными сравнениями, эпитетами, явным авторским началом в повествовании, наблюдается проведение авторской идеи, обогащение этимологическими, топонимическими легендами, религиозными мотивами и т. д. В результате, они приняли вид дополненной, законченной письменной версии народного эпоса, что, собственно, спасло их от забвения. Здесь мы наблюдаем диалог культур двух типов: обращение русского автора к башкирскому эпосу и освоение башкирским писателем сюжета своего национального эпического памятника.

В переходный исторический период писатели, как было сказано, все чаще начинают обращаться к песенному фольклору, потому что в нем «накоплен многовековой жизненный опыт народа», его мировоззрение и мироощущение, отразились «народная жизнь и народное искусство» [6, с. 39]. Отсылки на народную песню, её традиции во многом служили сближению литературной авторской песни и народа. Одним из таких важных моментов была распространенная традиция мелодизации авторского стиха. Издревле среди башкирского и татарского народов существовала традиция исполнения поэтических произведений нараспев или на известную народную мелодию. В такой манере, например, исполняли «Книгу Йусуфа» [9, с. 116]. Известно, что и суры из священной книги Коран также исполняли нараспев. Интерес представляет наблюдение Н. Д. Геюшова о том, что «религиозные тексты, в частности, тексты молитв и обрядов обычно рассчитываются на чувственно-эмоциональное воздействие. Не случайно, что Коран считается великолепным образцом классической поэтики; в священной книге и других религиозных текстах довольно широко представлены образно-поэтические элементы» [10, с. 132].

Это, в свою очередь, было связано с тем, что «...мелодизация ... оказывается той сферой, где также главенствуют принципы и нормы красоты и совершенства, но воплощенные уже в омузыкаленном звуке: понятие *адап* по отношению к чтению Корана предписывает красивое мелодичное интонирование». Среди башкир и татар до сих пор жива традиция исполнения коранических сур на мелодию народных песен [11, с. 90, 96].

Со слов ученого-фольклориста Ахмета Сулейманова известно, что в годы войны (имеется ввиду Великая Отечественная война. – Н. Х.), пришедшие с фронта письма также читались нараспев под какую-нибудь мелодию*.

* из личного общения. – Н. Х.

Традиция исполнения стихотворений на распев была распространенным явлением и в литературе. Г. С. Кунафин подобные произведения назвал «литературными “народными” песнями», под которыми он, ссылаясь на исследования И. Н. Розанова, В. Н. Гусева, понимает следующее: «это гибридный литературный жанр, сознательно ориентировавшийся на фольклор и образовавшийся от скрещивания книжной поэзии и поэзии устной, народной. Ориентация этого жанра на фольклор заявлена в самом названии» [6, с. 24–25].

Действительно, в творчестве башкирских поэтов этого периода данная народная поэтическая традиция применялась мастерски и подчинялась законам жанра народной песни или стихи исполнялись на мотив, мелодию той или иной песни, тему и идею которой они продолжали. Например, свое стихотворение «Обращение к детям» («Йэш балаларға хитап») С. Якшигулов предлагал исполнять под мелодию «Книги Йусуфа», Ш. Аминев-Тамъяни свое стихотворение «Снохам» («Килендэргэ») – под мелодию народной песни «Дорога Кунгыр» («Куңырбуга юлы»), Ф. Туйкин стихотворение «К горе Урал-тау» («Урал тауына») – под народную мелодию песен «Ишан», «Башкирская женщина», «Сакмар» и т. д.

В этом отношении особенно выделяется поэзия Фазыла Туйкина (1887–1938), у которого стихи, как отмечает Р. Т. Бикбаев, с одной стороны, являются «самостоятельными художественными произведениями, с другой – в них ясно видна общность со стилем и звучанием башкирских песен» [7, с. 59]. Однако Ф. Туйкин все же выступал на этом поприще по-новаторски. Он не ограничивался предложением исполнять его стихотворение под ту или иную мелодию определенной песни, как это делали другие поэты, а поступал по своему индивидуально: в эпиграфе приводится отрывок из народной песни, а в основной части стихотворения, согласно творческому замыслу автора, стилизованно продолжается идейно-тематическое содержание уже упомянутой народной песни. В результате, эпиграф, с одной стороны, дает произведению известный поэтический фон, с другой стороны, «поясняет основной смысл, содержание, тему» авторского стиха [12, с. 164]. Например, в эпиграфе к стихотворению «Агидель» Ф. Туйкиным приводится строфа из народной песни «Вода Агидели» («Ағизел һыуы»):

Ағизелкәй алкын, һыуы һалкын,
Якын барма, тулкын какмаһын,
Ағын һыу – Ағизел һыуы.

Полноводна Агидель, холодна её вода,
Не подходи близко, не коснулась бы волна,
Быстротечная вода – вода Агидели.

Поэт дает свою интерпретацию известной народной застольной песне «Вода Агидели», в которой он сперва восхваляет красоту берегов реки Агидели, описывает привольную жизнь башкир на её побережье с игрою на курае и т. д. Затем в финале высказывает свое авторское мнение, приближенное к реальной действительности. Как бы противопоставляется жизнь башкир на берегу реки в былые времена и в современность:

... Бөткән инде хәзәр, тормағандар,
Бары калған уның һыуҙары.
Ағын һыу, Ағизел һыуы [13, с. 38]

...Закончилось все, не живут теперь,
Осталась лишь её (Агидели) вода.
Быстротечная вода – вода Агидели.

Таким образом, Ф. Туйкин провел своеобразный поэтический опыт по наращиванию, дополнению и своеобразной интерпретации народной песни, её идейно-эстетического своеобразия, начавшего звучать в авторском исполнении по-новому: как сперва развивались события в народной песни, какое прочтение, звучание они получили затем в авторском стихотворении. Песенная лирика Ф. Туйкина развивалась в тесной связи с фольклором, которая, как верно отметил Г. С. Кунафин, «приобретает характер творческого использования традиционных художественных приёмов, свободной интерпретации народнопоэтического сюжета» [6, с. 49].

Следовательно, писатели, с одной стороны, сохраняли народную традицию исполнения своих стихотворений под мотив народных песен или мелодий, с другой стороны, сближались с народом, приобщались к его устно-поэтическому творчеству, занимались их популяризацией и пропагандой, актуализируя в своем творчестве диалог культур разных эпох.

В творчестве Фазыла Туйкина, как драматурга, также можно проследить интересные случаи творческого использования фольклора. В своей драме «Сыны Отечества» (1912) он удачно применил принцип сказки в построении сюжетной линии: герой женится на своей возлюбленной только после преодоления неких препятствий, пройдя огонь и воду Отечественной войны 1812 года в данном случае. Сопровождение пьесы народными песнями, пословицами, поговорками также усиливает её связь с фольклорными традициями, созвучие с плодами «культурной памяти» и т. д. В другой пьесе «Салих-бабай» (1922) развивается сюжет, вызывающий реминисценцию на мотив башкирской народной сказки о животных «Одураченный волк» («Һемәйгән бүре»). В авторской интерпретации сюжет наделяется социально-бытовым подтекстом и утверждается мысль о пользе и правомерности коллективного труда в артеле и т. д. Сюжет народной сказки можно проследить и в поэме «Идельбай» (1927). Здесь Ф. Туйкин подвергает художественной интерпретации известную башкирскую новеллистическую сказку «Как Ерэнсэ невесту для сына искал» [13, с. 80], на мотивы которой и строится литературный сюжет. Более того, в этой же поэме ощущается интертекстуальная связь с архаическим эпосом «Урал-батыр» и т. д.

Другой башкирский поэт Фатхелькадир Сулейманов (в эмиграции его знали под именем Абдулкадир Инан) (1889–1976 гг.) в своем творчестве также подверг своеобразной литературной интерпретации народную песню. Он подходил к творческому освоению устно-поэтического народного наследия в бытописательских традициях выдающегося этнографа и фольклориста Владимира Ивановича Даля. Именно благодаря преданности русского писателя к искусству бытописания, сегодня мы имеем «Башкирскую русалку» – Далеvскую версию эпоса «Заятуляк и Хыу-хылу» в его почти первоvзданном виде. В своем творчестве Ф. Сулейманов также по-особенному обращался с фольклорным материалом, старался детально передать всё своеобразие эпического, поэтического наследия своего народа. И его можно назвать бытописателем – своим «башкирским Далем». Впитав с молоком матери красоту и богатство устно-поэтического творчества, он всю жизнь занимался сбором и изучением башкирского фольклора. Даже будучи в эмиграции с 1925 года в Турции, он продолжал писать и работать над популяризацией, исследованием фольклора тюркских народов, башкир в том числе. В своем литературном творчестве он мастерски использовал фольклорные традиции. Это в особенности отразилось в его произведениях, созданных в 1913–1916 гг.

Творческое наследие Ф. Сулейманова в его многоаспектности достаточно подробно изучено М. Х. Надергуловым [3, 14]. В этой части работы обозначены некоторые особенности произведений писателя, отличавшегося своим индивидуальным подходом в художественном освоении фольклорных традиций.

В стихотворении «Грустная башкирская мелодия» (1914) («Башкорт моңо») Ф. Сулейманов обращается к традиции песенного творчества своего народа, художественно усваивает его поэтические, лексические, языковые и стилистические особенности, иногда дополняет авторские строки народными строфами (например, песню «Урал»), что усиливает идейно-художественное, эстетическое своеобразие произведения, подчеркивает его национальную самобытность.

В своем стихотворении «Песня башкирского егета» поэт прodelывает своеобразный творческий опыт: четверостишие

Инәкәйем мине, иркәләтеп,
Яу кайтарһын тиеп үстөргән.
Хәләл һөтөн имезеп, тамырыма
Батыр бабам канын күсергән... һ.б.

Моя матушка, лаская меня,
Вырастила, чтоб отразил войну.
Благородным своим молоком вскормив, в
мои жилы
Влила кровь батыра предка моего*...

как лейтмотив используется в произведении «Приговор» («Тәғзиә»):

* Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Н. Х.

Балаһы:

Текмә миңә, инәй, еңле күлмәк,
Мин кейермен еңһез күлмәгем.
Без китәбез, инәй, алыс юлға,
Без килә тип, инде көтмәген.

Инәһе:

Балакайым, һине мин тыуырҙым,
Яу килгәндә ҡаршы сыҡһын, тип.
Ил өстөнә килгән яу-дошмандың
Йөрәгенә уғын тыҡһын, тип...

Сын:

Не шей мне, матушка, рубашку с рукавами,
Я одену рубашку без рукавов.
Уходим, матушка, мы в далекий путь,
Не жди уж нас, что вернемся вновь.

Мать:

Сыночек мой, родила я тебя,
Чтоб ты отразил войну.
Чтоб вонзил свой лук в сердце
Воина-врага, напавшего на страну...

Затем данный лейтмотив повторяется в рассказе «На башкирском кочевье» и в драме «Салават». Таким образом, благодаря авторской интертекстуальности, песенный и обрядовый башкирский фольклор актуализируется Ф. Сулеймановым в структуре создаваемых им текстов.

Семантическим дискурсом последней строфы, вложенной в уста уходящего на войну сына («Не шей мне, матушка, рубашку с рукавами, Я надену рубашку без рукавов...»), служит обрядовый фольклор башкир, связанный с погребальным ритуалом прощания, высказывания предсмертных прощальных мунаджатов. Мунаджаты – «древний жанр, относящийся к культуре многих тюркских народов... Мунаджаты смерти и баиты генетически связаны с погребальными обрядами и причитаниями... Типичны мотивы повествования от имени умершего, жалобы, оплакивания ухода в мир вечной темноты...» [15, т. 12, с. 74]. Известны определенные ритуалы, связанные с прощанием умирающего человека с белым светом, поэтическим прощанием в последние минуты жизни с родными и близкими, или мунаджатами, исполняемыми живым человеком от имени умершего:

...Һуҙылып мин ятып үләрмен,
Еңһез генә күлмәк кейермен.
Нәңке, Мөңкөр килеп һорау алып,
Ни нәмә тип яуап бирермен?..

или

...Еңһез күлдәк кейҙерерҙәр,
Башһыҙ атка мендерерҙәр.
Каты һорау барған ергә
Бер үҙемде еткерерҙәр һ.б.

Растянувшись лягу и умру,
Без рукавов рубашку одену.
Когда ангелы придут и спросят,
Как же я на них отвечу?

или

...Рубашку без рукавов оденут,
На коня без головы посадят.
Там, где суд и вопросы суровы,
Меня одного оставят и т. д. [15, т. 12, с. 328]

Как пишут А. М. Сулейманов и Р. А. Султангареева, в народе «специальные носилки называются “лошадью без головы”, саван – “рубашкой без рукавов”... В мунаджате... своеобразно отразились не только мотивы горя, прощания, но и погребальная атрибутика, древние традиции» [15, т. 12, с. 76].

В этом смысле, приведённая в произведениях Ф. Сулейманова строфа о рубашке без рукавов, содержательно относится к наиболее сакральным сферам традиционной культуры, восходит к погребальной обрядности башкир и несёт в стихотворениях Ф. Сулейманова важную идейно-художественную функцию. Она выражается в изображении образа истинного батыра, который самоотверженно служит своему народу, борется за его свободу и независимость. Только истинный батыр и воин с лвиным сердцем не боится смерти и бросается в борьбу за священное дело. Только истинная мать, которая ассоциируется с родной страной, осознаёт это и даёт напутствия и благопожелания своему сыну в его нелёгком деле. Автор, таким образом, с помощью элемента обрядового фольклора своего народа, сумел изобразить важную для своего времени картину подготовки батыра к борьбе, войне за жизнь и благополучие своей страны. Данную эксплицитную отсылку на фольклорную традицию – народную культурную память – можно обозначить и как

диалог поколений, когда писатель в своём творческом поиске обращается к своим древним истокам – устному народному творчеству.

Башкирские писатели не только творчески осваивали фольклорные традиции, но и сами были их носителями, обладали мастерством сзэнов – певцов-импровизаторов и их произведения заучивались наизусть людьми, распространялись из уст в уста, переходили в устную форму бытования. Таковым творческим потенциалом, «культурной памятью» обладали кроме Акмуллы также С. Якшигулов, Ш. Аминев-Тамъяни, Г. Рафики, А. Тагиров, Ф. Сулейманов, Б. Мирзанов, Ш. Бабич и другие. Творчество последнего сыграло в особенности важную роль в развитии башкирской литературы, родного языка в начале XX века.

Список литературы

1. Культурология : учебник / Л. Н. Мартюшов (гл. ред.). – Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2009. – 219 с. : ил. – Текст : непосредственный.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : сб. ст. / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн, Л. В. Дерюгина. – Москва, 1979. – 445 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства). – Текст : непосредственный.
3. История башкирской литературы: с древнейших времён до начала XX века / Г. Б. Хусаинов (ответ. ред.), Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Б. Хусаинов. – Уфа : Китап, 2012. – Т. 1 : С древнейших времён до начала XX века / редкол. тома: Г. Б. Хусаинов (отв. ред.), Р. М. Булгаков, М. Х. Надергулов. – 2012. – 558 с. – Текст : непосредственный.
4. Бикбаев, Р. Т. Шайхзада Бабич: Жизнь и творчество [башк. поэта]. – Уфа : Китап, 1995. – 304 с. – Текст : непосредственный.
5. История башкирского народа = Башкорт халкының тарихы : [в 7 т.] / редкол.: А. З. Асфандияров, Ю. М. Абсаямова, Р. Н. Рахимов, Ф. Г. Хисамитдинова. – Москва : Наука, 2009–2012. – Т. 4 / [редкол.: А. З. Асфандияров и др.]. – 2011. – 398 с. : ил., цв. ил., табл. – Текст : непосредственный.
6. Кунафин, Г. С. И песней, и сатирой. Развитие жанровой системы башкирской литературной песенной и сатирической поэзии XIX–нач. XX в. – Уфа : Китап, 1999. – 256 с. – Текст : непосредственный.
7. Бикбаев, Р. Т. Эволюция современной башкирской поэзии. – Москва : Наука, 1991. – 141 с. – Текст : непосредственный.
8. Гафури, М. Произведения : [в 4 т.] / сост., ком. Г. Рамазанов, М. Хамидуллина. – Уфа : Башкиргоиздат, 1978. – Т. 2. – 416 с. – Текст : непосредственный.
9. История татарской литературы : [в 6 т.] / Ш. Ш. Абилов (гл. ред.), редкол.: Н. Ш. Хисамов, Х. Ю. Миннегулов. – Уфа : Таткигоиздат, 1984–2001. – Т. 1. – 1984. – 567 с. – Текст : непосредственный.
10. Геюшов, Н. Д. Мистические элементы в фольклорных и письменных традициях. – Текст : непосредственный // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность труды междунар. конф. (Казань, 9–13 июня 1992 г.). – Казань : Инсан, 1992. – Т. 2. – С. 133–135.
11. Имамутдинова, З. А. Профессиональное и непрофессиональное в устных музыкальных традициях мусульман Урало-Поволжья. – Текст : непосредственный // Народное творчество стран Востока: структура, художественные особенности, дефиниции. – Москва : URSS, 2007. – С. 85–105.
12. Тимофеев, Л. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л. Тимофеев, Н. Венгеров. – Москва : Учпедгиз, 1955. – 179 с. – Текст : непосредственный.
13. Туйкин, Ф. Сыны Отечества / сост., авт. вст. сл., текстол. иссл., ком. М. Х. Надергулов. – Уфа : Китап, 2009. – 200 с. (на баш. яз.). – Текст : непосредственный.
14. Сулейманов, Ф. В башкирское «На кочевье башкир» / сост., авт. вст. ст. М. Х. Надергулов. – Уфа : Башкиргоиздат, 1996. – 78 с. – (Литературное наследие). – Текст : непосредственный.
15. Башкирское народное творчество : [в 12 тт.] / сост., введен. и коммент. А. М. Сулейманова, Р. А. Султангареевой. – Уфа : Китап, 1995. – Т. 12 : Обрядовый фольклор. – 445 с.
16. Сулейманов, А. М. Три чуда. – Уфа : Китап, 2009. – 296 с. (на баш. яз.). – Текст : непосредственный.
17. Хисамов, Н. Ш. Поэма «Кисса-и Йусуф» Кул 'Али. – Москва : Наука, 1979. – 254 с. – Текст : непосредственный.
18. Гали Кул. Сказание о Йусуфе / пер. с тюркск. С. Иванова. – Казань : Таткигоиздат, 1985. – 232 с. – Текст : непосредственный.
19. Хуббитдинова, Н. А. Отражение мотива “Әсә кәбере янында” в башкирской поэзии. – Текст : непосредственный // Язык и литература в поликультурном пространстве : матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Бирск [Респ. Башкортостан], 2–3 декабря 2011 г.). – Вып. 7. – Бирск : Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2011. – С. 138–142.

20. Башкирская литература начала XX в.: [антология в 3-х кн.] / сост. В. Ахмадиев, И. Буляков, Г. Хусанов. – Уфа: Баш. кн. издат-во, 1983. – Кн. 1: Поэзия / [сост. В. Ахмадиев [и др.]; вступ. ст. В. Ахмадиева]. – 399 с. – Текст: непосредственный.

21. Васильев, А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа. – Текст: непосредственный // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: [кол. моногр.] / Н. А. Кочеляева (отв. ред). – Москва: Совпадение, 2015. – С. 16–29.

Narkes A. Khubbitdinova, Dr. of Philology Sciences
Institute of History, Language, and Literature
of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia)
narkas08@mail.ru

**REPRESENTATION OF FOLKLORE AS “CULTURAL MEMORY”
IN BASHKIR LITERATURE OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY
IN INTER-GENERATIONAL “DIALOGUE OF CULTURES”***

*The reported study was funded by Russian Fund of Basic Research
according to the research project No. 19-412-020008*

“Bashkir Archaic Epos: Artistic and Stylistic Aspect (Eposes ‘Ural-Batyr’, ‘Akbulat’, ‘Zayaytulyak’, ‘Khyukhyly’)”

Abstract. The article outlines results of analysis of peculiarities of Bashkir fiction of the first quarter of the 20th century that took an influence of ethnic Bashkir, Turkic folklore. The review of factors that determined a growth of Bashkir writers’ attention to persons, plot constructions, and images from lyric and epic Bashkir people’s poetry and prose (tales, legends, quatrains, songs, etc.) in revolutionary Russia is given. The author describes a phenomenon of “dialogue between mono-ethnic generations” that are lead by different ideals, deal with dissimilar cultural senses. Also, the author notes: Bashkir writers who well know folklore of native writing were becoming bearers of ethnic spiritual heritage and were getting mastery of ‘*sesens*’ – Bashkir singer-improviser; works created by them were memorized by descendants, and turned into an oral form of existence.

Key words: *Bashkirs, Bashkir folklore, Bashkir literature, folklore in Bashkir literature, ethnic literature in revolutionary Russia, cultural memory of a people, intertextuality, kubair, nationhood of ethnic literature, dialogue between generations, dialogue between cultures, folklore in literature.*

* Beginning of the article. The end of the article: “Proceedings of the Altai State Academy of Culture and Arts”. 2019. No. 4. Title: *Representation of Folklore as “Cultural Memory” in Bashkir Literature of the Beginning of the 20th Century in Inter-Generational “Dialogue of Cultures”*.